

АНН БРЕНОН

Катары: Христианская церковь на костре

перевод с франц. Н. Дульневой

Ересь Добрых Христиан

Тот, кто в наше время отважится разыскивать подлинную историческую информацию о катаризме, как правило, натывается на набор штампов. Стертый с лица земли под конец Средневековья, окаменевший и неразличимый за обвинениями в ереси, катаризм столетиями воспринимался как свод абсурдных идей.

В данной книге, свободной от конфессиональных предрассудков, представлены выводы, к которым в последнее время пришли историки, рассматривая этот еретический феномен в контексте критического подхода к средневековой истории. Здесь автор попыталась обоснованно воссоздать образ катаров с точки зрения историка, всматривающегося в их монашескую апостольскую практику в сердце окситанских бургад, где катары были желанными гостями, пока военные перипетии крестовых походов не лишили их политической поддержки.

По контрасту с трагической судьбой Добрых Христиан, как называли их верующие, мы увидим и воинствующий образ Римской Церкви. Теологи противопоставляли ортодоксию и ересь; еретики противопоставляли Церковь Христову и Церковь-преследовательницу.

Часть 1. Происхождение

Ортодоксия и ересь

Почти всегда ересью признаются взгляды, являющиеся, по мнению определенной властной структуры, отклонением от нормы, то есть ортодоксии. Однако историку следует критически подходить к такому определению, остерегаясь «выть с волками площадей».

С точки зрения историка

Во все времена обвинение в ереси служило оправданием преследований и приводило к гибели те бесчисленные жертвы, которые пытались противостоять религиозному и моральному порядку, доминировавшему в Западном христианстве. Я хочу уточнить, что так выглядит эта проблема с точки зрения светского человека, не участвующего в религиозных спорах, свободного от исповедания веры и связанных с ним ценностных суждений.

Это взгляд со стороны, критический взгляд, когда мы будем остерегаться в который раз механически перечислять все причины, которые использовали преследователи для оправдания своих преследований. Мы не будем здесь ввязываться в теологические дебаты, а попытаемся просто вслушаться в слова преследуемых - в данном случае еретиков, катаров - которых преследователи заставили умолкнуть.

Первые христианские ереси

Начиная с IV века, когда римские императоры, сначала Константин (между 280 и 288-337), а затем Теодозий (около 346-395), сделали христианство единственной государственной религией Римской империи, это христианство, само долгое время преследуемое, начало, в свою очередь, определять и исключать из своей среды некоторые взгляды как еретические. В то же время, под руководством епископов, особенно Римского епископа, так называемого папы, разрабатывалась догматическая ортодоксия. На Никейском Соборе в 325 году была осуждена интерпретация исповедания веры епископа Ария о природе Христа и Троицы: так епископ Арий, бывший до этого одним из ортодоксальных епископов, стал еретиком, а его последователей начали называть арианами. Так родилось арианство, которое, принятое визиготами, сохранялось на Западе до VII века.

Манихейство как искусство и религия

Разработанная персом Мани (около 216 - около 277) в III столетии религиозная и художественная система содержала некоторые элементы христианства наравне с другими религиозными традициями (зороастризмом и буддизмом). В то время, как св. Августин ревностно боролся с ним в западной части Римской империи, оно довольно быстро распространилось на Востоке.

Церковь Соборов и Отцов

В те же годы создавалась официальная трактовка Святого Писания и канон Нового Завета, а ортодоксальная интерпретация христианского послания формировалась в полемике и в оппозиции к ересям, признававшимся ошибками и уклонами. Церковь легитимизировала эти догматы с помощью Соборов и утвердила их интеллектуальным авторитетом Отцов Церкви. Вследствие формирования этих доктрин и соответствующей практики, в Западном христианстве были приняты не только Credo и догмат о Троице, но также месса и евхаристия.

Семь столетий без еретиков

Присциллиан из Авилы, обезглавленный в 384 году вместе со многими своими единомышленниками, был последним религиозным деятелем, казненным за ересь по приказу императора. Но Церковь переняла политическое видение, оставленное ей в наследство Римской империей. Поскольку она именовала себя католической, то есть имела претензии на универсализм, она начала осуществлять обращение в христианство германских племен, завершив его при Каролингах, и принимала активное участие в общественной жизни этих племен и в установлении администрации Каролингов. На рубеже тысячелетий именно в Каролингской империи в многочисленных, написанных монахами хрониках, вновь появляется слово «еретик» и обвинение в ереси.

Став государственной религией к IV столетию, христианство выработало свод ортодоксальных доктрин и отрезало, отвергло отличающиеся от них тенденции, задекларировав их как еретические. Католическая Церковь, сохранив форму исчезнувшей административной системы Римской империи, распространилась по всей Западной Европе, которая стала осознавать себя как христианский мир.

Становление феодального общества

Итак, слово «еретик» вновь появилось на кончике пера монахов-хронистов и в общественном словаре в очень беспокойный период, когда империя Каролингов в конце IX века переживала большие перемены.

Эволюция или мутация?

Начиная с эпохи Карла Великого (742-812) и его наследников, франкские суверены, власть которых была освящена папой, а также епископы и графы, исполняли высшие административные функции и представляли собой одновременно политический и религиозный общественный порядок, настоящую теократию на библейском фундаменте. В X веке, после окончательного распада империи Каролингов, германские суверены переняли на себя знаки имперского достоинства, а избрание в 987 году Гуго Капета королем Франции не только знаменовало исчезновение каролингской династии, но и дробление политической власти. Графы, герцоги и маркизы, власть которых тоже передавалась по наследству, встали во главе крупных княжеств и других территорий, заявляя о себе как о земных владыках и претендуя на свою часть земель и соответствующих прав. Таким образом, произошел относительно грубый переход от своеобразного порядка каролингской империи к феодальной разрозненности. Феодальное общество - это название, которое употребляется сегодня для обозначения децентрализации общественной власти и сосредоточения ее в руках крупных феодалов, живших преимущественно в сельской местности в укрепленных замках. Постепенно владельцы замков стали обладать всей полнотой власти и закона и вершили суд и расправу над подчиненным им крестьянским населением. Так в общих чертах происходила организация общества, которое историки называли «феодальным».

От латыни - к романским языкам

В это время наряду с церковной латынью употребляются и развиваются романские наречия и возникают романские языки, проявляясь как в новой культуре, так и в народной, популярной традиции.

Рубеж тысячелетия

На рубеже тысячелетий крестьянское население, попавшее в феодальную зависимость (серваж), все же имеет повод вздохнуть свободнее: после многочисленных и разрушительных вторжений (венгры, викинги) наступает более-менее постоянный мир, смягчается климат, появляются новые виды сельскохозяйственной техники (водяная мельница, плуг, и.т.д.), позволявшие уменьшать ущерб от регулярно наступавших периодов голода. В городах наблюдается демографический взрыв, а в сельской местности на ранее неводеланных землях появляются новые деревни.

Жажда Евангелия

Христиане того времени были озабочены не только и не столько выживанием в этой земной юдоли, сколько проблемой своего спасения в вечности. Народные движения, связанные с ожиданием Апокалипсиса, конца света, который сначала предсказывали в 1000 году, потом в 1033 году - через тысячу лет после Страстей Христовых - возродили надежды на обновление евангельской Благой вести. И реформы, начатые папством, и еретическое подполье, - все эти

феномены по-своему пытались реализовать то, что тогда представлялось идеалом апостольской жизни (бедность, целомудрие...).

Во времена становления и развития феодального общества, христиане того времени, преследуемые постоянным голодом, нуждой и апокалиптическими страхами, были чрезвычайно озабочены своим вечным спасением.

Тысячелетие (1): реформаторы.

Один из крупнейших медиевистов XX столетия Жорж Дюби определил XI век как «столетие монахов и рыцарей», преисполненное «абсолютного, спонтанного манихейского восприятия мира», выявлявшегося в образах битвы между архангелом и драконом.

Отара в отчаянии.

В эпоху, когда епископы жили как феодальные сеньоры в своих епископствах, когда парафиальные священники назначались сеньорами, причем часто из бывших крестьян, женатых и неграмотных, реформаторский клюнийский орден покрыл Европу сетью своих монастырей, подобных островкам света среди всеобщего моря невежества. Но это были замкнутые миры, зарезервированные только для монахов. Большинство христиан чувствовали себя отрезанными от сакрум.

Ужасы тысячелетия.

Возможно, историки XIX века и преувеличили значение «ужасов тысячелетия» (к примеру, ожидания знаков, возвещающих Страшный Суд).

Тем не менее, перелом тысячелетий и в самом деле знаменовался страстью к новому прочтению Апокалипсиса и Евангелий. При этом монахи того времени заявляли, что они являются воинством Божьим в этом мире, мучимом страхами, возвещающими о конце времен.

Борясь с легионами дьявола, спустившего с цепи разнузданных еретиков на все четыре стороны христианского мира, они несли божественную службу и пребывали в постоянных бдениях и молитвах. Они выработали манихейское видение мира, раздираемого антагонистическими силами добра и зла, и выражаемое в символах архангела и дракона.

Скриптории.

В средневековых аббатствах перелома тысячелетий монахи-переписчики скопировали многочисленные комментарии к Апокалипсису, рассказывающие о битве архангела и дракона за стенами небесного Иерусалима.

Мир Божий.

Среди описаний многочисленных насилий, о которых свидетельствовали монахи-хронисты, часто появляются образы конных воителей, терроризирующих деревни и грабящих церкви. Это рыцари, которых Церковь

впоследствии мало-помалу привлекала к служению Богу - через создание орденов христианского рыцарства, через дух крестовых походов. Но в период около 1000 года было принято устраивать, по инициативе высокопоставленных прелатов и под взглядами помпезных статуй святых, огромные собрания Мира, на которых делались попытки поставить вспылчивую военную аристократию в какие-то рамки, набросить на нее узду. Определенные дни недели объявлялись на этих собраниях днями Мира Божьего или Перемирия Божьего с благословения клира и при одобрении народа.

Под воздействием этих литургических спектаклей, которые действительно устраивались во имя идеалов Апостольской Церкви, на время утихали споры и ссоры.

Реформаторы.

Желание реформ и в самом деле тогда было очень сильным, исходя из глубин самой Церкви. Прежде всего, эту идею продвигала клюнийская элита (бенедиктинцы), но реализовать ее взялись папы.

Однако в жажде реформ проглядывает и элемент народного брожения, популярного антиклерикализма. Обличение коррупции, осуждение запятнавших себя прелатов, требование идеалов евангельской суровости и чистоты жизни, высмеивание культа реликвий, обрамленных драгоценными камнями и золотыми окладами - вот примеры этих явлений.

Очень вероятно, что некоторые из этих реформаторов и стали теми самыми еретиками, упоминания о которых появляются в текстах.

Средние века стали той эпохой, когда дьявол нашел свое воплощение в христианской образности. Церковь, как единственная стабильная сила в этом мире, могла ограничить насилие и направить горячность людей в иное русло. Но народ христианский, остававшийся за пределами этих литургических спектаклей, был предоставлен своим проблемам и своему голоду.

Тысячелетие (2): еретики.

Через семь столетий после мученической смерти Присциллиана из Авилы в 384 году, первый костер Средневековья, на котором погибли еретики, был зажжен в Орлеане в 1022 году. Так были казнены около дюжины каноников кафедрального собора. Скорее всего, это были первые катары...

Народный антиклерикализм.

Монахи той эпохи, составлявшие хроники, описывают величие статуй святых, которые несут во время процессий и целительную мощь реликвий, излечивающих от лихорадки. Но в этих же хрониках отмечается и популярная в народе тенденция к насмешливой критике подобных чудес и культов. Возможно, еретики, о которых упоминали монахи, вышли и из среды тех, кто насмехался над «суевериями», практикуемыми Церковью.

Против крещения водой

Жители города Аррас, привлеченные к ответственности по обвинению в ереси и представшие перед епископом Жераром де Камбре в 1025 году, объяснили свой отказ от крещения водой тем, что его практикуют недостойные священники, невозможностью этого крещения смыть все грехи, потому что люди потом все равно грешат, и тем, что маленькие дети, которых таким образом крестят, еще не отличают добра от зла.

К идеалам Евангелия.

Эти народные протесты не проходили, конечно же, под лозунгами свободы слова или совести - понятий, неизвестных в Средние Века - а во имя Евангелия. В противоположность клирикам и прелатам того времени, утопавшим в роскоши и богатстве, стремившимся к власти, прославившимся аморальностью и суевериями, выдвигались идеалы апостольской жизни - бедность, целомудрие, милосердие, справедливость и правда. Слышались призывы к возврату к идеалам ранней Церкви, к восстановлению Церкви Христовой. И реформаторы, и еретики были порождением одного и того же движения, одних и тех же духовных и социальных поисков.

Против таинств.

Еретиками называли также и тех, кто подрывал основы Римской Церкви и отказывался признавать авторитет Соборов, которые состоялись намного позже, чем жили Христос и Апостолы, и Отцов Церкви, а опирались на одно только Святое Писание, и особенно на Новый Завет. Еретики XI столетия отказывались от крещения маленьких детей, отрицали таинства исповеди (введенного при Каролингах) и таинства брака, которое как раз тогда вводилось папством. Кроме того, они сомневались в действенности таинств, совершенных руками недостойных и коррумпированных священников, в легитимности иерархии Римской Церкви, а также отбрасывали культ Распятия, которое у них ассоциировалось с орудием пыток.

Ученая ересь.

В одно время с неприятием в народе определенных таинств и «суеверий», некоторые ученые клирики путем теологических размышлений также пришли к выводам, обосновывающим подобное неприятие. Мы видим, что в разных местах - в Орлеане, в Перигоре, в Ломбардии - появляются еретики, отрицающие ценность Евхаристии, официально утвержденной как обязательное таинство только в 1079 году и являющейся краеугольным камнем католического христианства. Они практикуют простое преломление благословенного хлеба по примеру Христа, которого они считают исключительно божественным персонажем, не имевшим ни плоти, ни крови. Каноники, сожженные в Орлеане, так же, как и крестьяне в Шампани, практиковали, кроме того, для спасения душ, таинство крещения Духом Святым путем возложения рук. Все эти подробности можно прочитать у монахов, описывающих еретиков XI столетия. Они позволяют нам определить этих еретиков как предшественников катаризма. Поэтому их движение мы будем называть протокатаризмом.

В самый разгар движения за духовную реформу в XI веке, исторические документы выделяют и называют еретиками людей, практикующих исключительный евангелизм, отрицающих Евхаристию и человеческую природу Христа. Поскольку они практиковали еще и крещение путем возложения рук, характерное для катаров, историки считают их протокатарами.

Воинствующее папство.

«Так хочет Бог!» - кричали крестоносцы в Святой Земле в 1096 году.

«Бог распознает своих!» - отозвался эхом крестовый поход против альбигойцев в 1209 году. Во имя Христа Церковь узаконила священную войну против неверных и еретиков.

Грегорианская реформа и клир.

В середине XI века папы стремились освободиться из-под опеки германских императоров. Они возглавили реформу Церкви, стараясь приглушить народные

протесты против аморальности прелатов и пытаюсь справиться с ситуацией, когда епископы и каноники жили как знатные господа среди знатных господ и торговали церковными должностями (продавали назначения на эти должности). Григорианская реформа поставила им в обязанность соблюдение определенных правил, и особенным рвением в этой области отличался папа Григорий VII. Стремясь соответствовать ожиданиям христианского народа, движение за реформу поощряло создание новых ригористических монашеских орденов, к примеру, цистерцианцев.

Григорианская реформа и светская власть.

Эта моральная реформа реорганизовала Церковь и стала для папства средством оградить свою духовную власть от всех посягательств со стороны светской власти, и даже более того, утвердить превосходство этой духовной власти в области политики. Следуя той же самой логике, Церковь установила институт брака в качестве седьмого таинства, чтобы регулировать и сакрализовать жизнь верующих, как простецов, так и князей. Христианский брак, так же, как и культ Девы Марии, открыл и для женщин дорогу к вечному спасению.

Священные узы брака...

Григорианская реформа обязала верующих сочетаться браком в форме христианского таинства, скрепленного нерушимой клятвой и основанного на взаимном согласии. В то же время брак был запрещен для клира. Есть сведения о том, что до перелома тысячелетий священники, как правило, могли жениться.

Три сословия.

Поскольку западное христианство осознавало себя в образе Града Божьего, управляемого папой, викарием Бога на земле, были разработаны ключевые понятия социального построения общества, просуществовавшие до самой Французской Революции. Они известны как идеология трех сословий, которые

Бог установил в этом мире. Во-первых, «те, кто работают»: преобладающее большинство людей, призванием которых является кормить и содержать остальные два сословия, и которые могут достичь спасения в христианском браке. Далее «те, кто воюет»: аристократы и суверены, функции которых является защита остальных сословий, а не произвольные убийства и грабеж. И наконец, «те, кто молится» за всех них: монахи и клирики, составляющие папское воинство. Их благой вклад в это общество зависел от мира в Граде Божьем, осаждаемом еретиками и неверными.

Дух крестовых походов

Используя образ борьбы архангела с драконом, реформаторское папство Рима выработало способы упрочить свое управление христианским миром. Раскол 1053 года окончательно отделил греческое или православное христианство и Константинопольского патриарха от Рима. Но постепенная сакрализация военных функций рыцарства, названного дружиной Христовой, позволила нанести удар по исламу (крестовый поход 1096 года) и достичь окончательного закрепления порядка христианского общества, основанного на божественном праве папы. Возможно, ересь катаров, отвергавших ответственность Бога за ужасы этого мира, стала реакцией на эту понтификальную теократию.

Начиная со времен грегорианской реформы, папство освободилось от зависимости от германских императоров и утвердило абсолютный примат Церкви в обществе. Церковь представляла собой монархическую структуру, где роль суверена играл папа. Она проповедовала священную войну с силами зла – неверными и еретиками.

Часть 2. Подпольные общины в Европе (XI-XII столетия)

Предтечи.

Из ересей Тысячелетия зародился катаризм. Последователей этого учения называли очень по-разному: разброс их характеристик варьируется от манихейцев и колдунов до Добрых Людей. Дело историка - расшифровать эти термины и рассмотреть, что за ними скрывается.

Манихейство как синоним слова «ересь»?

Слово «манхеец», часто употребляемое средневековыми клириками, является просто синонимом слова «еретик». Манихейство, о котором писал в V веке Августин, было для них обозначением всякой ереси par excellence. В противном случае нам придется признать, что Западное христианство эпохи Тысячелетия подверглось штурму пришедших с Востока орд манихейцев.

Как из пыли веков подняли жупел манихейства.

Хронисты Тысячелетия, как, например Рауль, клюнийский монах из Бургундии, или Адемар, монах из Ангулема, описывая признаки, возвещающие, по их мнению, конец света, говорят о вторжении армий зла: колдунов и манихейцев, короче говоря, еретиков. В Шампани был крестьянин по имени Лиотар, который во имя Евангелия сломал распятие в своей парафиальной церкви, и его привели на суд к епископу. В Перигоре еретиками тоже были крестьяне, которые действовали якобы по наущению какой-то старой итальянской колдуньи. Хроникеры уже называют их манихейцами, рассказывая при этом, что они поедали младенцев на своих инцестуальных оргиях! Таким образом, ересь в восприятии хроникеров ассоциируется с народным колдовством и дьяволопоклонничеством.

Черные дьяволы...

Другие тексты наделяют эту ересь еще более ужасными чертами. В Пьемонте (северо-восток Италии) товарищи благородной дамы де Монфорте, которые утешали больных возложением своих еретических рук, описаны как черные дьяволы. Сам Адемар признает, что еретики составляют клир «слуг дьявола». Он добавляет также, что еретики из Перигора выплевывали гостию за алтарь и произносили таинственные литании (очевидно, архаическую версию молитвы «Отче наш»).

...или слишком набожные

Тем не менее, те же тексты часто подчеркивают явное благочестие еретиков и высоко оценивают их добродетели. Десятеро сожженных в Орлеане в 1022 году каноников были «очень набожными» монахами кафедрального собора; среди них был даже исповедник самой королевы. Они истово молились, соблюдали обет целомудрия, посты, были ригористическими вегетарианцами, вели аскетическую жизнь и отвергали недавно установленное таинство брака.

Мученический конец.

Казнь в Орлеане была всего лишь первой ласточкой, знаменовавшей начало репрессий. Потом костры зажглись в Тулузе и Аквитании. Около 1025 года в Турине была сожжена вся община из Монфорте. Казни начались также и в Рейнских землях по приказу германского императора. К епископам и архиепископам Арраса, Шалона-на-Марне, Шампани приводили целые группы еретиков, которые представляли перед церковными судами. Эти еретики держатся гордо и спорят с судьями, опираясь на Евангелие. Короче говоря, по всей тогдашней Западной Европе в первой половине XI века выявляют, осуждают и массово казнят как еретиков целые общины людей, которых мы по многим признакам можем считать протокатарами.

В предвзятых средневековых текстах за карикатурными обвинениями в колдовстве с трудом можно распознать еретиков XI века – организованные монашеские общины, появившиеся одновременно во многих регионах Западной Европы.

Богомилы Востока.

В богомилах часто хотят видеть восточных предшественников катаров. Однако эти еретики появились в греческом христианстве практически в то же время, когда в латинском христианстве возникают ереси, до деталей совпадающие с богомилами.

Болгарские предшественники.

Где-то около 970 года, при жизни поколения, предшествующего Тысячелетию, появились писания болгарского священника по имени Козьма, которые предупреждали о «лживых проповедях» еретиков-сектантов, возглавляемых попом, то есть православным священником Богомилом, что означает «любимый Богом» (подобно греческому Теофил).

Согласно Козьме, богомилы в Болгарском царстве соблазняют «простые души», внушая им доверие своим монашеским одеянием, беззаветной самоотверженностью и суровым аскетизмом.

Среди этих «лицемеров есть также и женщины, которые осмеливаются проповедовать и отпускать грехи, что, конечно, достойно осмеяния».

Кроме того, они интерпретируют Писания в дуалистическом духе, приписывая ответственность за видимый мир злему творцу – дьяволу, и отвергают евхаристию.

Носящие суму в Малой Азии.

Буквально сразу же после 1000 года, когда Болгарское царство было поглощено Византийской империей, один монах из Константинополя сообщал, что монастыри столицы переполнены еретиками, которых ему доводилось видеть в детстве в Малой Азии, где их называли «носителями сумы». Эти монахи, порвавшие с традиционной монастырской жизнью, проповедовали людям, показывая им пример своей аскетической жизни и обучая их Евангелию.

Они и их сторонники делились на три группы: слушатели, верующие и христиане, вступающие в христианскую жизнь через крещение путем наложения рук и прочтения пролога Евангелия от Иоанна.

Вопросы Иоанна.

Сохранился единственный текст, принесенный богомилами в Западную Европу: вопросы Иоанна. Этот апокриф Евангелия от Иоанна является развитием идей христианского дуализма.

Византийские богомилы.

Где-то около 1100 годом датируется третий документальный источник, проясняющий для нас ситуацию богомилов. По случаю поимки византийского врача по имени Василий и его учеников, приговоренных к казни по приказу императора Алексия Комнина на знаменитом Константинопольском ипподроме, этот источник поучительно рассказывает о смерти этих еретиков, а также о подробностях их верований и ритуалов.

Византийские хроники этой эпохи очень четко различают армянских павликиан и богомилов, которые считались ересью внутри христианского православия.

Богомилы и катары.

Верования и ритуалы богомилов, очень хорошо описанные в греческих текстах, свидетельствуют об их родственной близости к западному катаризму, подробно охарактеризованному источниками следующего столетия.

Вероятно, оба этих еретических движения имели общее происхождение.

Но греческое христианство, уже отколовшееся от римского католицизма после схизмы 1053 года, не занималось преследованиями и не играло посреднической роли между властью византийского императора и еретиками. Костры зажигались по приказу императора, но не Церкви.

И не было ни православных крестовых походов, ни православной инквизиции!

Свидетельства о богомилах в Византийской империи появляются с XI века, и там они выглядят как собратья западных еретиков, которых с XII века начинают называть катарами. Но православная Церковь не организовывала против них политических преследований, как это делала Церковь Римская.

Катары Севера.

Слово «катары» родилось в XII веке на Рейнских землях для обозначения еретических общин, организованных вокруг епископов. Эти христиане называли себя очень просто – апостолами...

После реформы.

Ветер грегорианской реформы утих в начале XII века, а еретические взгляды продолжали существовать в тех же регионах Европы, где о них сообщали в

эпоху Тысячелетия. Но документальные свидетельства о них становятся многочисленнее, пестреют большими подробностями. Именно благодаря этим текстам мы видим очень большое сходство между греческими и латинскими еретиками, и то, что можно было предполагать в XI веке, теперь становится очевидным.

Истинные христиане и узурпаторы.

Рейнские катары 1143 года противопоставляли свою истинную Церковь Божью узурпаторской Церкви мира сего римских клириков, как евангелист Иоанн противопоставлял Бога и мир. Они толковали метафору о добрых и дурных деревьях таким образом, что по плодам этих деревьев – по наследованию Христа – можно распознать истинных христиан.

Апостолы Сатаны на костре.

Важные документы на интересующую нас тематику имеют отношение к Рейнским землям, а именно к территориям архиепископа Кельнского и епископа Льежского. После масштабных репрессий в Суассоне между 1130 и 1135 годами, начинают пылать костры в Льеже. В 1143 году Эвервин де Стейнфельд, рейнский монах, посылает настоящий призыв о помощи к пользующемуся высокой репутацией цистерианскому аббату Бернару из Клерво – будущему святому Бернару. Еретики, которых поймали и осудили в Кельне, и в самом деле переносили муки огня со стойкостью первых христианских мучеников, и это вызвало большое беспокойство и ропот среди народа и клириков, присутствующих при казни. Сам Эвервин был удивлен их знанием Писания. Они также претендовали на то, что их традиция сохранялась их братьями с давних времен еще в Греции, и что она передавалась и передается ими самими до сего дня.

Женщины и епископы.

Катары Севера были организованы вокруг епископа и делились на три группы: слушатели, верующие и христиане. Среди последних были также и женщины, которые, как и их братья, имели силу отпускать грехи и спасать души через наложение рук. Отказываясь признавать какую-либо телесную реальность Христа, они благословляли хлеб, заменяя этим евхаристию. Они противопоставляли свою жизнь, проводимую в умеренности и воздержании, и

практику истинной христианской Церкви роскоши и властности Церкви Римской – Церкви мира сего, но не Церкви Божьей. Сами они просто называли себя «апостолами» или «бедняками Христовыми».

Катары и архикатары.

«В самом ли деле они апостолы Сатаны?» - спрашивал Эвервин. Через двадцать с лишним лет, после еще одной волны арестов, облав и костров, Экберт де Шонау, боннский каноник, использовал для обозначения этих еретиков слово, которому была суждена блестящая карьера: «катары». Он также различал катаров и архикатаров, возможно, имея в виду их епископов. Став аббатом де Шонау и находясь в переписке с великой Хильдегардой Бингенской, Экберт написал в 1163 году серию проповедей против еретиков и продемонстрировал железную волю при организации католических репрессий в Рейнских землях. После этого костры 1160-х годов, казалось, надолго затормозили религиозную оппозицию в этом регионе. Однако она возникла в других местах.

В XII веке очаги ереси распространились уже по всей Европе: документальные свидетельства о репрессиях против ереси, в особенности в Рейнских землях, дают нам информацию об организации и религиозных основах этих подпольных общин, которые начали называть катарскими.

Кодификация ереси.

В XI столетии монахи, обличающие еретиков, выдвигали им обвинения в распущенности и колдовстве. В XII столетии католические авторы уже определяют ересь как собрание догматических ошибок. Причиной этого было то, что сама Церковь стала догматической.

От «катаров» до «альбигойцев».

Скорее всего, катары XII столетия являются преемниками еретиков Тысячелетия – «колдунов и манихейцев». В то же время резко увеличивается разнообразие негативных кличек, которыми их наделяют. Тексты говорят о сожжении «публикан» в Шампани и Бургундии, «фифлов» во Фландрии, «патаренов» в Италии, и заявляют об «ужасно мерзких сектах ткачей или ариан» на Юге Франции, которых также часто называли «альбигойцами». Есть свидетельства, что все эти названия относятся к одному и тому же виду ереси.

Сами же еретики называли себя «апостолами» или «христианами».

Появление слова «катары».

Популярную кличку «cattier» (на языке той эпохи) – колдун, поклоняющийся коту - эрудированный клирик Экберт де Шонау, используя игру слов, переделал в слово «катары». Тем самым он навязал читателям ассоциацию со словом «чистые», как называли себя в античной древности последователи манихейской секты «катаристов». Такие игры слов в то время были в большой моде. Редко употреблявшееся в Средние века, это слово принялось у современных историков.

Неоманихейские дуалисты.

В текстах XI столетия можно заметить зачатки явления, которое наиболее явно выражают поздние документы о катарах. Оно засвидетельствовано у Экберта де Шонау, боннского каноника, который первым написал об этом явлении в средневековой Западной Европе: еретики, сожженные в Кельне в 1160-х годах, были дуалистами.

Как и богомилы, о которых сообщали греческие православные источники,

катары и архикатары приписывали создание мира не Богу-Отцу, а восставшему ангелу – Люциферу, или Дьяволу – Сатане. Кстати, Эвервин де Стейнфельд, рейнский монах, был не очень шокирован акцентированием на противоположности между Богом и миром, которую провозглашали сожженные в 1143 году «апостолы», и которая коренилась в христианском дуализме. Но уже документы последней трети XII столетия единогласно говорят о «дуализме» этих «новых манихейцев».

Источники догматики.

Интересно, что монахи XI столетия практически не обвиняли еретиков в дуализме, потому что религиозный дух тех времен сам был проникнут дуалистическими образами битвы между архангелом и драконом. Тогда считалось, что этот мир насилия является местом столкновения между отрядами Бога и слугами зла.

В XII веке, когда в Западной Европе жизнь стабилизировалась и во многих местах укрепилась королевская власть, Церковь возобновила заботу о доктринальной аргументации, которая бы доказала ее преимущество и подтвердила бы божественные основания ее земной власти. «Манихейское» восприятие мира осталось только у еретиков, но было ли это простым архаизмом? С этого момента дуалистической ересью будет считаться любая идея, которая поставит под сомнение власть Бога, а, следовательно, и Церкви в этом мире.

Начиная с конца XII столетия, Римская Церковь определила катарскую ересь как доктринальную ошибку, выдвинув на первое место ее дуализм, ассоциирующийся с манихейством. Это обвинение впервые появилось в Рейнских землях в 1163 году. С другой стороны, Церковь стала строить свою легитимность на догматическом видении мира, созданного и управляемого Богом.

Церкви европейских катаров.

Именно отблеск пламени костров, нашедший отражение в текстах, позволяет современным историкам говорить о существовании европейских еретических общин. Во второй половине XII века они преобразовываются в структурированные церковные институты во главе с епископами.

Собрание в Сан-Фелис.

Около 1170 года Ницетас (Никита или Никвинта), богомильский епископ из Константинополя, совершил пасторскую поездку в Западную Европу, целью которой, скорее всего, было помочь общинам катаров и поделиться опытом восточных церквей, укоренившихся в Византийской империи.

Совершив визит в Ломбардию, он отправился в Лангедок, чтобы по приглашению Тулузской катарской церкви принять участие в общем собрании западноевропейских еретических церквей в castrum Сан-Фелис в Лаурагэ.

Хартия Никвинты.

Дата и место ассамблеи в Сан-Фелис известны нам по более поздней копии исчезнувшего документа, Хартии Никвинты, аутентичность которого иногда ставят под сомнение. Но миссию Никиты в Западной Европе и существование епископов у европейских катаров подтверждают и другие источники.

Церковь Франции.

В Западной Европе на то время у катаров уже были епископы. По крайней мере, документы фиксируют их наличие в Льеже и Кельне в середине XII века. Однако в Сан-Фелис уже не было делегации рейнских катаров. Возможно, они были уничтожены облавами и репрессиями 1163 года. Тем не менее, в

Сан-Фелисе присутствует епископ Франции по имени Роберт д'Эпернон. Он, без сомнения, представляет общины Шампани, Бургундии и Фландрии, о преследованиях которых говорят документы XII века, а именно Реймса, Везелэ, Шарите-сюр-Луар, Лилля и Невера.

Итальянские Церкви.

Вместе с Никитой в Сан-Фелис прибыл также и Марк, епископ катаров Ломбардии, центром которых был Милан. Эта единая итальянская Церковь под конец XII столетия разделилась на пять отдельных Церквей, каждая со своим епископом и своей иерархией. Иногда они соперничали между собой из-за разницы во взглядах. Наиболее сильными противоречиями отличались Церковь Конкореццо (с центром в Милане), и Децензано (возле озера Гарда). Однако активными очагами катаризма были Флоренция, Сполете и Мантуя, где также были Церкви со своими епископами.

Окситанские Церкви.

В Лангедоке еретикам улыбнулась удача. Во второй половине XII века там уже существовало четыре катарских Церкви. По инициативе Тулузской и Каркассонской общин и состоялся собор в Сан-Фелис, где произошло объединение этих Церквей. Как и Церковь Аженуа, они избрали себе епископов, которых высвятил Никита. Церковь Альбижуа, более древняя, чем другие, уже имела высвященного епископа, Сиккарда Селлерье. Именно он несколькими годами раньше, в 1165 году, в Ломбере, возле Альби, спорил с католическими епископами и папским легатом в присутствии виконта Тренкавеля. На то время катары в Окситании больше не были в подполье.

Создается впечатление, что преследования затормозили развитие еретических общин Франции и Германии, однако в Лангедоке и Италии они наоборот расширили свою деятельность, образовали структурированные Церкви во главе с епископами под патронатом Никиты, богомильского епископа из Константинополя.

Часть 3. Укоренение в Лангедоке (XII-XIII столетия)

Окситанское общество.

После XI столетия в Окситании не загорелся ни один костер, на котором бы погибли еретики. Здесь политика светской власти не поддерживала никаких религиозных репрессий. Возможно, поэтому мы можем говорить об окситанском обществе как об обществе мирного сосуществования.

Становление толерантности.

Уже в 1145 году, во время своей средиземноморской миссии, великий цистерцианец Бернар из Клерво оплакивал ужасные оскорбления, которые аристократия окситанских бургад открыто наносила посланникам папы, защищая и вынашивая в своём лоне мужские и женские еретические общины. И в самом деле, упоминаемое выше собрание в Сан-Фелис, состоявшееся одним прекрасным майским днём 1167 года на границе графства Тулузского и виконтства Тренкавель (Альби), прошло публично и безо всяких препон со стороны светской власти.

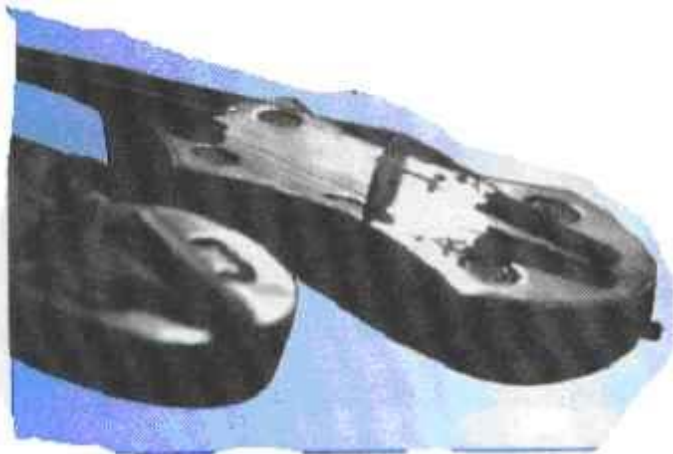

Графства и виконтства.

Катарские епископства XII столетия возникают на землях двух крупных территориальных формирований: графа Тулузского – могущественного вассала короля Франции, и союза виконтств, объединённых семьёй Тренкавель - Каркассона, Безье, Альби и Лиму - расположенных между Барселоной и Тулузой. Если виконты Тренкавель очень сильно склонялись к катаризму, то Раймонд V Тулузский, оставаясь католиком, жаловался в 1177 году, что у него связаны руки, и что он не может предпринять никаких мер против ереси, которую открыто принимают его вассалы. Более того, в начале XIII века его сын Раймонд VI уже настроен к еретикам дружелюбно, а графиня де Фуа, с согласия своих братьев и мужа, принимает крещение катаров.

Любовь к Богу, любовь к дамам.

При дворах южной аристократии одни и те же люди любили слушать и катарских проповедников, говорящих о любви к Богу, и трубадуров, которые воспевали любовь к женщинам.

Феодальное право в Окситании.

Окситанские графства не были централизованными феодальными государствами. Настоящими властителями земель были сеньоры, вассалы графов, владевшие фортифицированными бургадами или практиковавшими коллективное владение низинными землями. Отсутствие права майората приводило к тому, что земли и права делились между близкими и дальними родственниками мужского пола, а иногда и дочерьми, имевшими право наследования. Это была маленькая сельская аристократия, небогатая и

антиклерикально настроенная, которая в конце XII века, особенно в лице благородных дам, продемонстрировала твёрдую поддержку катарского христианства.

Подлинные катарские замки.

Как и везде на юге Европы, в Италии или в Гаскони, в Окситании господствовал обычай, согласно которому за одними и теми же укреплёнными стенами жили группы людей, представляющих разные классы общества. Такая общественная структура называется *castrum*, небольшой город-замок, сосредоточенный вокруг феодальной башни. Именно эти *castrum* были средоточием катарского христианства, находящегося под защитой аристократических семейств. Прекрасные дамы или уважаемые сеньоры, жившие в сердце этих *castrum*, демонстрировали свою приверженность катаризму и служили притягательным примером для своих подданных - ремесленников, торговцев и крестьян. Именно эти маленькие *castrum*, а не большие города (Тулуза или Альби), и не военные крепости (как Кверибус или Пейрепертюс) были настоящими очагами катаризма.

Под конец XII столетия на территории виконтств Тренкавель и графств Тулузского и Фуа, сельская аристократия стала защищать и принимать катарское христианство, преследуемое по всей остальной Европе.

Орден святой Церкви.

Между Кагором и Каркассоном возникли сначала четыре, а потом пять катарских епископств, которые представляли собой настоящую параллельную Церковь, конкурирующую с католической иерархией Рима и претендующую на апостольское наследие.

Епископства окситанских катаров.

Возникновение катарских Церквей-епископств позволяет нам представить себе настоящую карту «страны катаров» в Окситании. На момент их наибольшего распространения, перед крестовым походом против альбигойцев, катаризм

охватил на западе территории от Кверси до Гурдона и Аженуа (Церковь Ажен); в центре – территории Тулузе, Лаураге и графства Фуа (Тулузская Церковь), на севере - Альбигуа (Церковь Альби), на востоке – Кабарде, Минервуа и Каркассе (Церковь Каркассона), простираясь даже до Корбьер и к морю. В 1226 году было создано пятое епископство, в Разе (регион Лиму), которое раньше входило в Церковь Каркассона.

Добрые христиане и верующие.

Как и римская Церковь, Церковь катаров делилась на клир и верных. Верные, или верующие, являлись основой христианского народа. Они не должны были отречься от своих прежних католических привычек или привязанностей, но они чувствовали благодать и признавали духовный авторитет Добрых Христиан, или Добрых Мужчин и Добрых Женщин, лучших из достойных называться христианами. Таким образом, катарский клир соединял в себе смешанные функции священников и монахов, и состоял из мужчин и женщин. Как и католические священники, Христиане и Христианки проповедовали, обеспечивали спасение душ и отпущение грехов.

Посвящение.

Так же, как и католический епископ в своем диоцезе, катарский епископ являлся источником священства, из его рук происходило посвящение членов общины. Крещенные/высвященные епископом Христиане и Христианки вели жизнь, посвященную Богу, и получали власть отпускать грехи. Эта власть посвящения передавалась от епископа к епископу. В текстах катаров она составляет суть «ордена святой Церкви». Катары считали, что их епископы передают друг другу эту традицию по прямой линии от Апостолов.

Никита и посвящение епископов.

Иногда считается, что сущностью миссии Никиты в Сан-Фелисе было разъяснение доктринальных вопросов. На самом деле, он просто предложил новую (и возможно, лучшую?) традицию апостольского крещения, и высветил согласно ей первых окситанских епископов.

Иерархия.

Во главе каждой катарской Церкви стоял епископ и два его помощника, или коадьютора – старший Сын и младший Сын, также высвященные епископом на этот сан. После смерти епископа, старший Сын становился его непосредственным преемником. Территория епископства также была разделена между определенным количеством диаконов: они играли посредническую роль между епископской иерархией и общинами христиан, находящимися в деревнях и городках, которые они регулярно посещали. Сами епископы очень редко жили в больших городах, но предпочитали жить в общинах небольших бургад. Эта церковная организация чрезвычайно напоминает структуру ранней христианской Церкви времен Апостолов.

Церкви катаров состояли из верных, или верующих, и смешанного клира – Христиан, или Добрых Мужчин и Добрых Женщин. Эти Церкви управлялись по образцу раннехристианской Церкви иерархией из епископов и диаконов.

Монашеские дома.

В то время, как католические монахи, например, бенедиктинцы и цистерцианцы, спасались от мира, изолируясь от него, Добрые Люди катаров открывали свои дома в сердце городков и деревень, проповедуя, увлекая своим примером и обучая Евангелию.

Монашеский чин и священнический чин.

Считается, что монахи, следующие определенным установленным правилам жизни и молитв, представляют клир монашеского чина. Священников же и епископов, живущих в свете, называют священническим чином.

Монахи или священники?

Христиане и Христианки, крещенные/высвященные епископом, жили в общинах, в монашеских домах. Как и обычные монахи и монахини, они давали обет целомудрия, бедности и послушания, но к этому еще добавлялось ненасилие и абсолютное вегетарианство. Они соблюдали правила общинной жизни и собирались на совместные молитвы в определенные часы. Но, как и священники, они регулярно проповедовали и практиковали таинство спасения душ.

Обучение и проповеди.

Подобно католическим монастырям, монашеские дома катаров были местами, где проходило обучение неофитов и послушников, которые желали вести религиозную жизнь. Там они изучали катехизис и свои религиозные обязанности на протяжении двух или трёх лет, после чего они давали необходимые обеты, и епископ высвячивал их путём наложения рук. Церемония крещения/посвящения была публичной, и на ней обязательно присутствовали верующие.

Проповедники и проповедницы регулярно покидали свои общины не только для исполнения религиозного долга, но и чтобы навещать родственников и друзей в городе или его окрестностях.

Проповеди на окситан.

Чтобы проповедовать людям и отвечать на их жажду Евангелия, Добрые люди оставили латынь католическим клирикам, а сами использовали версию Писания в переводе на окситан. Добрые Женщины тоже проповедовали Евангелие, преимущественно перед женской аудиторией.

Работа и милосердие.

В своих монашеских домах женские и мужские общины катаров жили своим каждодневным трудом. Они сочетали жизнь, проводимую в трудах, с ритмичными часами молитв, в то время, как католический клир существовал на десятину и подати. Добрые Мужчины и Добрые Женщины приглашали гостей за свой стол, где благословляли хлеб, кормили нуждающихся, лечили больных. Некоторые из этих общинных домов были настоящими хосписами, где верующие получали духовное руководство и утешение, и обеспечивали себе христианскую смерть – «счастливый конец», приносящий спасение души.

Монастыри в сердце городов.

Мужские монашеские общины управлялись Старшими, женские – Приориссами или Управительницами.

Эти монашеские дома, со свободным входом и выходом, часто имели при себе

мануфактуры. Они были очень многочисленны в городах и активно участвовали в местной экономической и социальной жизни.

Более активно, чем священники в католических парафиях, они осуществляли различные религиозные функции и демонстрировали населению непосредственный пример своей апостольской практики.

Этот апостолат в самой гуще народа объясняет, почему в городах и деревнях Лангедока катаров считали «добрыми христианами, которые имеют большую силу спасать души» (из показаний перед Инквизицией)

Катары – монахи и монахини – жили в трудах и бедности, как и подобает добрым христианам, открыто, на глазах у всех, в самом сердце окситанских бургад, а их религиозные общины исполняли многочисленные функции (были хосписами, школами, мастерскими...)

В лоне семьи.

Принимая обеты, монахи и монахини у катаров не порывали со своими семьями, как это делали католические монахи. Они не только не покидали своих родных и близких, но часто их навещали и не забывали обучать христианскому катехизису.

Спасение на дому.

Известно, что именно катары положили начало знаменитой практике «монастыря в городе», которая в последующие столетия обеспечила успех доминиканскому ордену. Но катаризм нёс в себе гораздо большее - практику монастыря в деревне, и даже в доме. Это христианство, отвергавшее культовые сооружения, организовывало свои религиозные общины, практиковало свой культ и проповеди фактически в обычных домах, и особенно в тех местах, где жили преданные Церкви верующие.

Катарские матриархини.

Если некоторые катарские общины были похожи на католические монастыри – с семинариями и хосписами – то большинство из них состояло всего из нескольких человек, иногда членов одной и той же семьи. Вдовы, замужние женщины, родившие многих детей, девушки-бесприданницы, - одним словом, все те, кто решил посвятить себя Богу и достичь спасения в качестве Добрых Женщин - жили в общинах, отнюдь не изолированных от мира, вместе со своими сестрами, матерями, тётями, иногда в том же доме, где жили остальные родственники, а иногда в соседнем доме. Благородные дамы часто служили этому примером, как Бланш де Лаурак со своей дочерью Мабилей или Гарсенда дю Ма Сен Пуэль со своей дочерью Гайлардой.

Катарские женщины.

Если рассматривать катарский клир по количественному составу, то количество женщин в нём составляло чуть меньше половины, что значительно превышает процентное соотношение между католическими монахами и монахинями.

Кроме того, женщины тоже могли осуществлять роль проповедниц, и имели право и возможность спасать души – право, в котором римское папство до сих пор отказывает христианкам.

Катарские семьи.

Не стоит даже говорить о том, что вся остальная семья почитала своих Добрых Мужчин и Добрых Женщин: так, Эмери де Монреаль и Жирода де Лавор кланялись своей матери Бланш де Лаурак, как и пятеро братьев-совладельцев дю Ма – своей матери Гарсенде. Семейные связи только сплачивали катарское христианство. Когда настали времена преследований – после крестового похода против альбигойцев – то и миряне, и Добрые Люди, находящиеся в подполье, пытались до последнего защищать своих матерей или бывших жён, Добрых Женщин, за которыми охотилась Инквизиция. Фаидиты из Монсегюра часто старались отомстить за своих сожженных матерей и сестер.

Три сословия без ссор.

С точки зрения внутреннего устройства, общественная структура большинства проникнутых катаризмом окситанских бургад, стала похожа на семейные или добрососедские отношения. Как правило, сеньоры этих бургад или сами показывали пример добродетелей, или, по крайней мере, предоставляли всему идти своим чередом. В южно-французском castrum обитали рядом знать и простолюдины, и там же присутствовал религиозный орден катаров. Хотя последних и не признавало римское папство, но именно благодаря их тяжкому труду, понемногу стирались границы классовых различий. Тем более, что сами они были теми, кто и молился, и работал!

Не разлучаясь со своими семьями и проявляя наибольшую активность именно в этой среде, монахи и монахини катаров обеспечивали диссидентский евангелизм на таком глубинном уровне, который едва сумели искоренить преследования XIII столетия.

Бог, который не несет ответственности за зло.

Характерный для катаризма дуализм происходит из самого Святого Писания и присутствует в монашеской идеологии всего X столетия. Добрые Люди всего лишь пошли еще дальше, руководствуясь логикой Аристотеля.

Небылицы о Мани и Зороастре.

С подачи разных догматических теологов, а также используя идеи, исходящие от победителей данной Церкви, писалось много псевдоисторических трудов, представляющих катаров как последователей старых восточных доктрин Мани и Зороастра, внешних по отношению к христианству и чуждых ему. Однако известно, что единственными священными книгами катаров были книги христианского Святого Писания, что все обитатели Лангедока, независимо от своей конфессиональной принадлежности, считали их христианами, и только папство обрушилось на их дуализм.

Схоластическая логика.

Пользуясь логикой схоластики, катары развили свое толкование Евангелия и отбросили принцип о „свободной воле”, тем самым отвергнув принцип, на который опирался католицизм, утверждая, что создания Божьи добровольно выбрали зло. С точки зрения катаров, все души созданы Богом и по природе своей являются благими; „избавление от зла” Христом является ничем иным, как указанием дороги к добру. Выбор зла Божиими созданиями был сделан не по доброй воле, а в результате обмана и порабощения.

Плоды доброго дерева.

Христианство стало одной из первых в истории религий, которая заявила, что Бог абсолютно благой и любит все свои творения. Но это сделало очень проблематичным вопрос о существовании в мире зла. Зачатки скрытого дуализма коренятся в самом христианстве. Еретики особо выделяли в Евангелии метафору о дурных и добрых деревьях, и тем самым дали ясный

ответ, что доброе дерево не приносит дурных плодов, а значит, Бог-Отец не имеет никакого отношения к происхождению зла.

Бог и этот мир.

Мы принимаем во внимание тот факт, что на 11-том столетии христианства на эти дуалистические элементы, явственные в Новом Завете, особенно в Евангелии и Первом Послании Иоанна, а также Апокалипсисе, стали обращать особое внимание.

Еретики логически продолжили тенденцию противопоставления «мира сего» и «Царствия Отца». Они отказывались признавать, что Бог-Отец, о котором говорил Христос, и Его «Царствие не от мира сего» и есть тот самый злобный, ревнивый и лживый творец, изображенный в Книге Бытия. Было два творения и два творца. Но есть только один Бог, Бог-Отец. В XI столетии для христианства была очень характерной мысль, что этот мир, где есть смерть и разрушение, всего лишь дьявольская иллюзия, и что истинная реальность - это невидимый, горний мир.

Падение ангелов.

Рассказу о создании мира Иеговой, который приводится в Книге Бытия, еретики предпочитали другой миф - о падении ангелов, захваченных хвостом дракона, который был свергнут с небес архангелом, о чем говорится в Апокалипсисе.

Потому произошло так, что этот мир, которому форму придал Люцифер - восставший против Бога ангел - или Сатана - дьявол - был населен людьми, божественными душами. И злой творец поселил эти души в телах собственного приготовления, чтобы они забыли свою небесную родину и доброту своей собственной природы.

Целью дуализма катаров было исключительно освобождение Бога любви, о котором говорится в Евангелии, от ответственности за происхождение зла и мира. Для них Бог-Отец пребывал в своем невидимом Царствии, а обреченный на разрушение мир был делом рук злого творца: дьявола или восставшего ангела.

Спасение душ.

Катары абсолютно не признавали никакого искупительного смысла за символом Распятия, которое для них было орудием смерти, а не жизни. Они призывали к спасению по благодати через пробуждение Евангелием и крещение Христово.

Христос Добрых Христиан.

Следует с абсолютной уверенностью называть катаров христианами, поскольку именно Христос стоит в центре их религиозного просвещения и является сердцевинной их веры. Возобновив великие теологические дебаты первых столетий христианства, они, очевидно, решили воспротивиться догмату о Троице и не соглашались с идеей о человеческой природе Христа. Для большинства из них Сын Божий не мог унизиться до того, чтобы снизойти в тело, обреченное на уничтожение; они считали, что он принял подобие человека, и его приход, жизнь среди людей и смерть были только видимостью.

Они также претендовали на то, что именно Христос основал их версию христианства.

Крещение Духом.

Не на смерть послал Отец Сына Своего, но для исполнения великой миссии освобождения падших ангелов, связанных оковами зла и мира сего.

В этом и состоит «Благая весть» Евангелия, которым Христос просвещает уснувшие души, и которым он дарует, по благоволению Отца, спасение через крещение путем наложения рук, о котором сказал Иоанн Креститель: «Идущий за мною сильнее меня...Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Христос вдохнул этот Дух в Своих Апостолов, которые преисполнились им и передали его своим ученикам. Такая интерпретация Евангелия, где главное значение принадлежало Пятидесятнице, а не Страстям, скорее всего, является более архаической и более соответствующей раннему христианству.

Абсолютный ригоризм.

Катарские монахи следовали „Правилам справедливости и правды» и евангельским предписаниям. Они абсолютно избегали убийства - в том числе и животных - лжи, осуждения и так далее. Все это составляло для них грех, обесценивавший нисшедший на них Дух. Согрешивший должен был совершить покаяние и наново пройти *consolament*.

Семь таинств в одном?

Катары - или апостолы - отстаивали свое право на то, что они получили власть крещения Духом Святым по прямой линии от Апостолов и претендовали на то, что именно они являются единственной и аутентичной христианской Церковью, а римская Церковь - отклонением. Они практиковали единственное таинство *consolament*, которое для них являлось одновременно и крещением в качестве вступления в христианскую жизнь, и посвящением, но также и причастием, поскольку одного только крещения водой было абсолютно недостаточно. Оно также являлось отпущением грехов, вступлением на дорогу фундаментального покаяния, знаком власти связывать и развязывать, которым отмечена Церковь Христова. Уделяемое умирающим, это таинство представляло собой также и соборование. И, наконец, соединяя душу с духом, оно являлось как бы

духовным, мистическим браком. Единственное, чего в нем не было, так это преосуществления.

Consolament или христианское призвание.

Это слово непосредственно происходит от обще-христианского термина „Утешитель” (Святой Дух или Параклет). Говорят, что еще в XIX столетии сельские священники в Лангедоке называли соборование утешением для умирающих.

Все мы будем в раю.

Consolament, дар Христа, обеспечивал спасение для погибших душ. Одна за другой, всякая утешенная душа после смерти своей телесной тюрьмы достигает Царствия Отца. И так будет со всеми душами. В этой оптимистической версии христианства нет места для вечного ада. Катары считали, что зло временно,

преходяще, и этот мир в конце времен погибнет, «вернется к своему небытию» (по выражению ученого и философа Рене Нелли). В XIII столетии Добрые Люди проповедовали, что «все души созданы благими и равными между собой, и все будут спасены»

Во имя Христа катары практиковали единственное таинство, крещение Духом, или Consolament, которое, по их убеждениям, происходило по прямой линии от Апостолов и спасало души. Отказавшись от идеи вечного ада, они верили в универсальное спасение.

Ритуалы.

Историкам XX века посчастливилось иметь пять книг, написанных самими средневековыми катарами: два трактата и три ритуала, а также копию перевода Евангелия на окситан. Ранее об этих еретиках было известно только по свидетельствам их противников.

Писания катаров.

Манускрипты катарского происхождения – теологические трактаты, написанные в традициях средневекового христианства, подтвердили теорию о том, что учение Добрых Людей основывалось исключительно на Новом Завете, который они постоянно цитировали и комментировали. В ритуалах расписаны мельчайшие подробности их литургии и молитв, что позволяет нам заглянуть вглубь их религиозной жизни, которая абсолютно во всех аспектах напоминает ранее христианство.

Таинство и молитва.

Крещение путём consolament являлось коллективной, открытой для всех публичной церемонией. В сопровождении Старшего или Приориссы неофит приходил в дом епископа, «чтобы отдаться Богу и Евангелию», перенять традицию молитвы «Отче Наш» - наиболее важной молитвы, которую следовало регулярно повторять в определенное время и определенное количество раз, а потом принять саму Книгу Писания. Далее, после долгой церемонии, епископ и все присутствующие Добрые Люди возлагали правые

руки на голову неопита и произносили первые строфы Евангелия от Иоанна. Consolament для умирающих был аналогичным ритуалом: его уделяли двое Добрых Людей в присутствии семьи и друзей умирающего, и считалось, что эта церемония «имеет большую силу спасать души».

Отсутствие символики.

Христианство катаров не использовало никакой религиозной символики. Их спиритуальность не искала Бога ни в чем видимом. Поэтому не существует ни катарских крестов, ни храмов, не говоря уже о разных символах, используемых эзотериками XX столетия.

Благословение хлеба.

Если Добрые Христиане присутствовали за столом верующих, то последние почитали это за честь для себя. В начале каждой трапезы – исключительно вегетарианской – старшие из Добрых Мужчин или Добрых Женщин благословляли хлеб, преломляли его и раздавали всем присутствующим. Этот ритуал, наблюдаемый уже с эпохи Тысячелетия, заменяло им евхаристию. Они делали это в память о Тайной Вечере, но не считали, что едят Тело Христово, когда преломляют хлеб; для них эти слова из Евангелия символизировали Слово Божье, которое распространяется по миру.

Верные, мораль и целомудрие.

Если какой-нибудь верующий встречал Доброго Мужчину или Добрую Женщину, то приветствовал их тройной просьбой о благословении, или, на окситан, *melhorier* и трижды простирался перед ними в поклоне.

Под конец всякой ритуальной церемонии Христиане и верующие обменивались поцелуем мира, мужчины между собой, а женщины – между собой. Ригористические обеты целомудрия фактически запрещали катарским монахам любые физические контакты с лицами противоположного пола. Они даже избегали садиться с ними на одной лавке! Однако было бы ошибкой обвинять катаров в том, что они бы привели к исчезновению человечества, поскольку только их монахи – также как и католические монахи – следовали таким строгим обетам.

И в интерпретации катарами священных текстов, и в их литургии, исследователи находят очень большое сходство с ранним христианством. Однако, они полностью вжились в средневековое общество, ведя там упорядоченную и гармоничную религиозную жизнь.

Часть 4. Преследования (XIII столетие)

Новые веяния XIII века.

1198 год. Новый папа, Иннокентий III, имеет большие амбиции. Он хочет объединить и реорганизовать христианство под началом Святого Престола, поставив все духовные искания в определенные рамки. XIII век стал веком эффективного и систематического уничтожения еретического инакомыслия.

Церковь и репрессии.

Пока осуждение еретиков было делом епископских судов, Церковь колебалась в выборе методов репрессий. Первые костры в целом осуществлялись по приговорам светской власти. Но постепенно, соборы и понтификальные буллы подготовили почву для законотворчества Церкви в области ереси. Веронские декреталии, согласованные между папой и императором в 1184 году, явились первыми мерами общеевропейского масштаба против еретиков, и приравнивали

последних к преступникам, оскорбляющим «божественное величество».

Цистерцианцы в Лангедоке.

В то время, как в Шампани, Фландрии, Рейнских землях и Бургундии разгорались репрессии, светские власти в Лангедоке изо всех сил защищали диссидентов от церковных властей.

В 1178, а потом в 1181 годах папа посылал своих легатов в Тулузу и Альби во главе цистерцианских миссий, однако последние не смогли установить сотрудничества с местными властями, и не добились от них ничего, кроме очень символических жестов.

В первые годы XIII столетия посланцы папы Иннокентия III – мэтр Рауль де Фонтфруад и легат Пьер де Кастельно – проводят публичные дебаты с Добрыми Людьми на теологические темы. Но без особого успеха.

Вернитесь к своей прялке!

Хронист говорит, что во время теологических дебатов в Памье в 1207 году между катарами, вальденсами и католиками, захотела взять слово сестра графа де Фуа, то католическая сторона в довольно резких выражениях посоветовала ей вернуться к своей прялке.

Доминик.

Появившись в Лангедоке в 1206 году, кастильский каноник Доминик де Гусман начал успешные попытки бороться с проповедями Добрых Людей их собственным оружием. Соблюдая обеты бедности и нищенствования, он и его сторонники начали отвоевывать души. Однако, крестовый поход, объявленный Иннокентием III в 1209 году сигнализировал о том, что и эти смелые попытки окончились неудачей. Сменившие отныне цистерцианцев доминиканцы, или братья-проповедники, со своим новым стилем проповедей доктринального характера, должны были стать эффективным инструментом укрепления папской власти на христианском Западе.

Франциск.

Но только Франциск Ассизский и его нищенствующее братство – как сначала называли францисканцев или братьев-миноритов – оставили на XIII столетии настоящий евангельский отпечаток: они всерьез и надолго обновили католический спиритуализм, сосредоточив его вокруг человеческой природы и страданий Христа. Франциск, умерший в 1226 году, вряд ли мог помешать тому, чтобы его начинания тоже были использованы для укрепления политической власти и догматики Церкви.

Религиозные тенденции XIII столетия настолько усыпили францисканскую духовность, что последователи Франциска, так же, как и доминиканцы, стали участвовать в делах Инквизиции.

В начале XIII столетия, когда Церковь вооружилась эффективным юридическим антиеретическим арсеналом, нищенствующие ордена стали символизировать обновление христианских идей. Знамя религиозной реконкисты, выпущенное из рук цистерцианцев, было подхвачено братьями-проповедниками, или доминиканцами.

Крестовый поход.

XIII столетие начинается с первого крестового похода в христианские земли, так называемого крестового похода против альбигойцев, на самом деле направленного против окситанских феодалов, виновных в защите ереси. Объявленная папой, эта война затем была продолжена королем Франции.

Иннокентий III и Филипп-Август.

Папа Иннокентий III объявил крестовый поход в Святую Землю, чтобы отвоевать Иерусалим, попавший в 1187 году в руки неверных (сарацинов). Но его имя связано также с крестовым походом против альбигойцев и ревностной реорганизацией христианства на Латеранском Соборе 1215 года (решение о том, что община верующих состоит только из тех, кто признает Credo, принадлежит

к определенным церковным приходам и верует в таинства; из нее исключались неверно мыслящие и еретики). Было признано, что толерантность к ереси, выявленная окситанскими феодалами, является оскорблением Бога. Тем не менее, король Франции Филипп-Август не решился возглавить военную интервенцию против своих средиземноморских вассалов.

Крестовый поход баронов.

Бароны Франции и Европы откликнулись на призыв к крестовому походу, и, начиная с 1209 года, ринулись на земли графства Тулузского и Тренкавелей под стягами папского легата Арнота Амори, аббата Сито. От Безье до Марманде десять лет войны и зверств разорили и опустошили эту землю. В 1220 году окончательно стало ясно, что попытка насадить в Тулузе и Каркассоне католическую династию Монфоров потерпела неудачу, поскольку местное население поддерживало своих законных графов. Церкви катаров, которым поначалу был нанесен серьезный удар кострами крестовых походов, начали постепенно восстанавливаться.

Массовые казни.

Для крестового похода против альбигойцев характерны жестокие расправы с мирным населением (Безье в 1209 году, Марманде в 1219 году), а также огромные массовые костры, где сжигали еретиков - в Минерве (140 сожженных в 1210 году), Лаворе (400 сожженных в 1211 году).

Королевский крестовый поход.

В 1226 году Людовик VIII Французский, сын Филиппа-Августа, решил восстановить себя в правах на средиземноморские графства, переданные ему Монфором, и сам возглавил французскую армию, двинув ее против Раймонда Тренкавеля, Раймонда VII Тулузского и их вассалов. Несмотря на ожесточенное сопротивление в некоторых регионах (особенно в Лиму и Кабарет), королевская армия посеяла террор в Лангедоке. В 1229 году граф Тулузский, покорившись, подписал мирный договор, ратифицированный в Париже.

Новая расстановка сил.

Двадцать лет, с 1209 по 1229 год продолжалась война, начатая по религиозным мотивам. Но желаемых результатов в религиозной сфере она не достигла. Церкви катаров возобновили свою деятельность, и в 1226 году было даже основано новое, пятое епископство в Разе (регион Лиму).

Однако военно-политические последствия войны оказались очень тяжелыми: династия Тренкавелей была уничтожена, один королевский сенешаль управлял регионом Каркассон-Безье, а второй - Беакур-Ним, местностью, ранее принадлежавшей графам Тулузским. Раймонд VII Тулузский обязался собственными руками уничтожить ересь, срыть укрепленные замки и передать свое графство единственной дочери Жанне, которая была замужем за капетингским принцем. А представители тех феодальных династий, которые были скомпрометированы ересью, лишились своих владений и имущества, превратившись в фандитов (термин на окситан).

Крестовый поход против защитников еретиков, к которому призывал христианских баронов папа Иннокентий III в 1209 году, через двадцать лет превратился в завоевательную войну французского короля. В 1229 году Капетинги окончательно подчинили себе Лангедок.

Инквизиция.

В то самое время, когда был канонизирован святой Доминик, в 1234 году, доминиканские братья-проповедники связали свое имя с недавно созданным институтом Инквизиции. Иногда народные волнения, как, например, в Тулузе, обрушивались на эту институцию, но власть, как правило, была на ее стороне.

Папа и король.

Итак, в 1229 году, король окончательно выиграл войну, объявленную папой, а последний выжал из победы короля всё возможное: с этого времени у Церкви были развязаны руки, и ей была предоставлена полная свобода действий. Принцы и сеньоры - защитники еретиков - были лишены своих земель и своего имущества. Они должны были либо стать феодалами, либо покориться. Общины катаров отныне вынуждены были существовать в подполье. Однако, они оставались очень многочисленными. Они защищались от репрессий, организовав тайную сеть сопротивления, основанную на общественной и семейной солидарности.

Инквизиция как институция покаяния и наказания.

Католическая религиозная реконкиста была бы невозможна без разрушения этой сети сопротивления, без разрыва этих нитей солидарности. Именно в этом состояла миссия Инквизиции, созданной папством в 1233 году в качестве институции обязательных исповедей, имевшей право налагать наказания и покаяния и воссоединять с католической верой - а также примирять с королевской властью - всё население Юга, которое не захотело покориться во время войны. Переданная новым нищенствующим орденам, францисканскому, и особенно доминиканскому, Инквизиция несла в бурганды Юга новую проповедь, основанную на официальной доктрине Церкви.

Инквизиция как полицейская институция.

Этот прообраз современной бюрократической машины играл роль постоянно

действующего религиозного трибунала, не особенно зависящего даже от папы, и совсем независимого от местных епископов.

Основывая свои расследования на систематических доносах, и используя исповеди в качестве показаний, Инквизиция возбудила подозрение и принесла террор в семьи симпатиков катаризма. В течение нескольких поколений ей удалось разорвать связи солидарности, защищавшие еретиков в подполье.

Приговоры.

Инквизиция убивала немногих, не в этом было ее предназначение. Она точно целилась в свои жертвы: для простых раскаявшихся верующих у нее были наготове разные наказания - от ношения желтых крестов, нашитых на одежду, до конфискации имущества и пожизненного заключения. Смертный приговор - посредством передачи осужденного в руки светской власти, поскольку сами судьи, будучи христианскими монахами, должны были воздерживаться от совершения насилия - был зарезервирован для подпольного клира, то есть для Добрых Мужчин и Добрых Женщин, которые отказывались отречься, а также для верующих, вновь впавших в свои заблуждения, то есть в ересь. Умершие в «еретической мерзости» приговаривались к эксгумации и сожжению их останков, а дома их - к разрушению.

Бесценные архивы.

Зафиксировав в своих реестрах исповеди-показания жителей средневековой Окситании, Инквизиция, как это не парадоксально, предоставила Истории неоценимый источник документов о катаризме, хотя задачей ее было уничтожение катаризма.

После военного покорения Лангедока, начиная с 1233 года, Церковь создала религиозный трибунал, названный Инквизицией. Ее целью было обезглавить подпольный катаризм, уничтожив его клир, а также подорвать, путем террора, запугивания и доносов, те общественные связи солидарности, которые его поддерживали.

Монсегюр.

Со строго исторической точки зрения, мы не можем заявлять, что катары в Монсегюре погибли за свободу совести, такого понятия просто не существовало в Средние века. Однако мы не можем отрицать того, что обладающая властью

Церковь, во имя Христа, осудила на смерть и уничтожение другую христианскую Церковь.

Не катарский замок.

Замок Монсегюр, остатки которого сохранились по сей день, был построен уже после осады 1244 года. Среди руин катарской деревни, разрушенной Инквизицией, господа де Леви, которым эта местность досталась по праву завоевателей, возвели эту крепость где-то около 1300 года, как символ своей новой власти. Поэтому нет абсолютно никакого смысла искать в его архитектуре катарскую символику.

Апогей религиозного сопротивления.

После заключения Парижского соглашения, согласно которому граф Тулузский подчинился королю Франции, иерархия катарских Церквей Тулузы, Аженуа и Разе собрались в castrum на горе Монсегюр.

Эта местность принадлежала аристократической семье Перейлей, которые одновременно были и добрыми верующими, и не желали покоряться королевской власти. Из монашеских домов вокруг Монсегюра регулярно посылались миссии для подпольных проповедей и уделения *consolament*,

спускаясь в полную опасностей долину, на которую смотрело неусыпное око Инквизиции.

Апогей военного сопротивления.

Анклав вассалов графов Тулузских на территории графа де Фуа, крепость Монсегюр, была твердыней и убежищем также и для рыцарей - десятка файдитов с их дамами и спутницами - и гарнизона, состоящего из пятидесяти солдат. Они являлись главной силой сопротивления и осуществляли все военные операции. Командиром и комендантом крепости был Пьер-Роже де Мирпуа, родственник Раймонда де Перейля. Все они были добрыми верующими, связанными с Церковью катаров как кровными, так и сердечными узами.

Последняя война графа.

Пытаясь избежать ужасных последствий Парижского трактата, граф Раймонд VII Тулузский вступил в союз против французского короля с королем Англии и графом де Ла Марш. В мае 1242 года он склонил рыцарей из Монсегюра к карательной операции против странствующего трибунала Инквизиции, находившегося тогда в Авиньонет (Лаурагэ). Он считал, что это послужит сигналом к всеобщему восстанию. Инквизиторы были убиты, их реестры уничтожены, а население с энтузиазмом взялось за оружие. Но поражение союзников графа заставило его просить мира. Монсегюр остался без защиты, брошенный на произвол мести короля и папы, которые уже готовились «обезглавить гидру» (по выражению Бланки Кастильской - регентши Франции).

Костер Монсегюра.

Почти через год после долгой и тяжелой осады, Пьер-Роже де Мирпуа стал вести переговоры о сдаче castrum с королевским сенешалем Каркассона, который возглавлял этот последний крестовый поход. 16 марта 1244 года общины Добрых Мужчин и Добрых Женщин Монсегюра - около двухсот монахов и монахинь - а также около двадцати светских людей, добровольно присоединившихся к ним, приняв consolament в последний день, были сожжены вместе со своими епископами. Костер Монсегюра знаменовал конец существования организованных катарских Церквей в Окситании, но также и конец упований графа Тулузского, у которого уже не осталось никакой надежды.

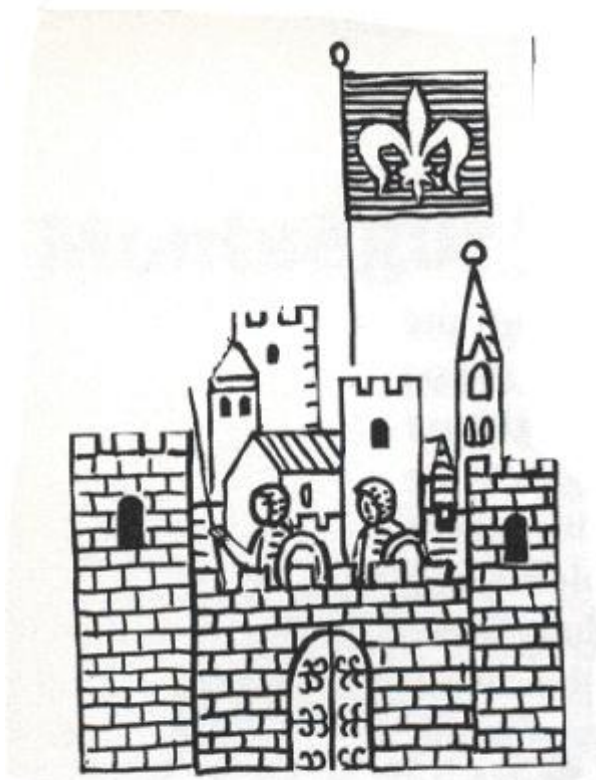

Непокорная крепость Монсегюр и рыцари-фаидиты были последней картой, которую граф Тулузский мог разыграть против папы и короля. Костер 16 марта 1244 года уничтожил как последние политические надежды, так и последнюю катарскую иерархию в Окситании.

Королевский Лангедок.

Укрепления Каркассона, как и так называемые «катарские замки», на самом деле не символизируют ни катарской ереси, ни расцвета Окситании. Это скорее печать, которую триумфальная королевская власть поставила в конце XIII

СТОЛЕТИЯ НА СВОИХ НОВЫХ ЮЖНЫХ ЗЕМЛЯХ.

Каркассон и его сыны.

После 1230 года, когда виконтство Тренкавель стало регионом, управляемым французским сенешалем, королевская власть предприняла грандиозное строительство фортификаций, с целью сделать Каркассон военной базой своих южных территорий на границах с королевством Арагон. Вдоль всей линии этой границы были возведены подобные укрепления, «сыны Каркассона», «настоящая линия Мажино XIII столетия» (по выражению историка Мишеля Рокеберта). На стенах замков Кабаре и Пюилоран до сих пор видны клейма, сделанные французскими королевскими архитекторами.

Тулузское наследство.

В 1249 году, после смерти Раймонда VII, согласно постановлениям Парижского договора 1229 года, графство Тулузское перешло в руки его дочери Жанны и ее мужа Альфонса де Пуатье, брата короля Людовика IX. В 1271 году, когда эта пара умерла, не оставив наследников, Тулуза была присоединена к французской короне, а власть Капетингов стал представлять сенешаль. Линия королевских

укреплений продолжилась на запад до Монсегюра (замок де Леви) и Рокефиксада.

Инквизиторские облавы.

После костра в Монсегюре 16 марта 1244 года, последнее катарское подполье, лишившись организованной структуры, начало терять всякую надежду. Остатки иерархии сумели более или менее сохраниться в изгнании, в Ломбардии, но с этого времени Церковь катаров, травимая Инквизицией, не могла уже долго бороться за выживание. Последние Добрые Люди, которых иногда защищали отряды вооруженных фаидитов, ели свой хлеб на окраинах отдаленных хуторов, и тайно, преодолевая опасности, продолжали давать утешение умирающим.

Преданные женщины.

В мирное время и в первые годы катарского подполья, Добрых Женщин было так же много, как и Добрых Мужчин, и до 1240-х годов они жили достаточно организованно. Но понемногу они исчезали, особенно после костра в Монсегюре и уничтожения катарской иерархии. Но их сменили не менее преданные верующие женщины, служившие опорой и поддержкой последним преследуемым пастырям.

Последние бунты.

Будучи настоящей религиозной полицией, Инквизиция имела свои отделения во всех больших городах, вызывая на допросы жителей целых деревень. Она имела собственные тюрьмы, которые, как правило, носили название Мур, она налагала аресты на имущество и сжигала трупы. К концу XIII столетия ее власть была практически безгранична. Кроме всего прочего, она занялась преследованием Спиритуалов - ветви ордена францисканцев, взгляды которых считались спорными - и запятнала себя чрезмерной коррупцией. Эксцессы стали настолько серьезными, что население начало искать защиты у королевских офицеров и подало апелляцию Филиппу Красивому.

В 1300 году в Каркассоне начался настоящий народный бунт, во главе которого стоял францисканец Бернар Делисье. Но королевская власть, вначале поколебавшись, обрушила репрессии на «каркассонское безумие», и точно так же подавила подобные выступления против Инквизиции в Лиму, выстроив ряды виселиц, чтобы другим было неповадно.

После того, как виконтство Тренкавель (в 1229 году) и графство Тулузское (в 1271 году) перешли под управление французских королевских сенешалей, были подавлены народные бунты, а последние Добрые Люди выслеживались и вылавливались Инквизицией.

Часть 5. Уничтожение (XIV столетие)

Последняя окситанская Церковь.

К концу XIII столетия, после двадцати лет войны, двух смен власти и трёх поколений инквизиционной травли, катаризм, очевидно, умирал в Окситании. Казалось, уже ничье дыхание не раздует больше этого жара.

Дыхание Пьера Отье.

Но именно таким было призвание Пьера Отье. Этот бывший нотариус из Акс ле Терм, близкий к графу Роже-Бернару де Фуа, начиная с 1299 года, возглавил маленькую группу Добрых Людей, непреклонных в своей решимости возобновить евангелизм катаров на их прежних территориях. Среди них был родной брат Пьера Гийом Отье и сын Пьера Жак. И им это почти удалось... Используя свои семейные и дружеские связи, а также остатки бывшего еретического подполья, они смогли, в течение многих лет, избегать инквизиторских ловушек и раздуть пламя катаризма от Кверси до Пиренеев среди верующих, которых было еще достаточно много.

Источники, которым можно доверять...

Мы знаем все детали героических и трагических событий конца окситанского катаризма благодаря документам «из первых рук»: реестра приговоров Бернарда Ги (1307 - 1321), а особенно реестра допросов Жака Фурнье (1318 -

1325), опубликованных и переведенных историком Жаном Дювернуа.

Новые инквизиторы.

Но инквизиция, хотя и испытывавшая иногда проблемы и трудности, на этот раз рьяно взялась за дело: Добрые Люди столкнулись с личностями жесткими и неумолимыми - Бернардом Ги в Тулузе, Жофре д'Абли в Каркассоне, и затем с Жаком Фурнье в Памье.

Эти новые инквизиторы применяли полицейские методы расследования, используя обширную сеть шпионов и доносчиков, и терроризировали симпатиков катаризма тем, что осуждали на сожжение вновь впавших в ересь (ранее отрекшихся, но пойманных во второй раз) и умерших.

Последняя травля.

С 1300 по 1310 год продолжался этот отчаянный прорыв. Судьба этой героической катарской реконквисты зависела от возможности резко увеличить количество подпольных пастырей. Но это была неравная битва. Инквизиция выловила и сожгла, одного за другим, всех Добрых Людей, приходящих ночью. Жака и Гийома Отье сожгли в Каркассоне в 1309 году. Амиеля де Перля и Пьера Отье в Тулузе в 1310 году. Единственным, кому удалось бежать в Каталонию, был Гийом Белибаст. Обманутый двойным агентом, он был схвачен и сожжен в Виллеруж-Термене в 1321 году по приказу архиепископа Нарбонны. Это был конец окситанских катарских Церквей.

Пламенная вера Отье.

Пьер Отье был сожжен 9 апреля 1310 года перед кафедральным собором Сен-Этьен в Тулузе. На костре - и об этом есть несколько свидетельств - он заявил, что если ему дадут возможность проповедовать перед толпой, он обратит всех собравшихся в свою веру!

Есть две Церкви.

Пьер Отье и его товарищи проповедовали Евангелие еще более ясно и аргументировано, чем их предшественники. Жестоко преследуемые, они ассоциировали себя с Христом и Его апостолами, которых мир преследовал до них, и называли Римскую Церковь-преследовательницу злобной и лживо христианской. Перекликаясь с рейнскими еретиками 1143 года, Пьер Отье проповедовал: «Есть две Церкви, одна гонима, но прощает, а другая владеет и сдирает шкуру». Каждый понимал, какая есть Церковь Христова, а какая - от мира сего.

На протяжении десяти лет, между 1300 и 1310 годами, маленькая группка отважных Добрых Людей, объединенных вокруг Пьера Отье, смогла достичь определенного успеха и возобновить деятельность катарской Церкви между Пиренеями и нижним Кверси. Но Инквизиция не оставила им ни одного шанса: все они были пойманы и сожжены.

Богомилы и турецкое завоевание.

К концу XIII века последние окситанские Добрые Люди искали обучения и крещения в Италии, где Церкви были еще живы. В XIV веке последние итальянские катары пытались пересечь море и добраться до счастливой Боснии.

В Шампани и Рейнских землях.

В Северной Европе катаризм всегда был в подполье, а начиная с XII столетия, стал подвергаться постоянным преследованиям. Скорее всего, в этом регионе он был уничтожен к середине XIII столетия. Начиная с 1229 года, протоинквизиторские миссии Роберта де Бугра во Франции и Конрада Марбургского в Германии оставили нам свидетельства своей безжалостной и кровавой эффективности. В 1239 году на территории графского замка Монт Эмме, в Шампани, было сожжено двести тридцать катаров из Церкви Франции.

Патарены, гибеллины и итальянская Инквизиция.

В Италии, наоборот, репрессии начались поколением позже, по сравнению с ситуацией в Окситании.

В городах Италии катары - или патарены - были наиболее близки к гибеллинам, сторонникам императора Фридриха, боровшихся против гвельфов, сторонников папы. Гибеллины защищали их, как могли, и вплоть до победы гвельфов и Карла Анжуйского (1268 год) катары жили в Италии в довольно благоприятной для себя обстановке.

Вот тогда у Инквизиции оказались развязаны руки. Если в 1245 году Флоренция закрыла свои ворота перед носом у инквизиторов, то в 1278 году на аренах в Вероне были сожжены в полном составе катарские общины Конкореццо и Децензано. Какими бы ни были их теологические споры при жизни, их объединила смерть на одном и том же костре.

Боснийские христиане.

Несмотря на это, в первые годы XIV столетия остатки окситанской Церкви в изгнании еще могли выжить в Италии. Ведь именно там Пьер и Гийом Отье получили своё религиозное обучение. Последние итальянские катары дожили до начала XV столетия, и их еще можно различить среди новых диссидентских движений - Спиритуалов и Апостоликов. Но они уже стремятся бежать в Боснию, где ересь никогда не подвергалась преследованию. Наоборот, известные под именем боснийских христиан (Босанска Црква), эти еретики образовали там что-то вроде национальной Церкви, со своими иерархами и религиозными домами. Приближенная к королевской власти и почитаемая ею, сосуществуя рядом как с францисканскими католическими миссиями, так и с сербской православной Церковью, Боснийская Церковь никогда никого не преследовала.

Турецкое завоевание.

Турецкое завоевание в конце XIV столетия уничтожило Болгарское Царство. После взятия Константинополя в 1453 году, в 1463 году наступила очередь Боснии, куда вторглись завоеватели. И греческие, и славянские богомилы, и боснийские христиане, были поглощены и раздавлены воинствующим Исламом. Можно сказать, что к этому времени конца Средневековья, катаризм исчез из Истории.

Существует миниатюра XVI столетия, представляющая Собор против Стригольников - богомилов у восточных славян - в 1490 году в Новгороде (Россия). После турецкого завоевания остатки богомильской Церкви пробовали бежать на Север.

Наследие боснийского христианства.

Сохранился фрагмент ритуала боснийских христиан конца XII века, совпадающий с богомильскими и катарскими ритуалами. Сохранились также и надгробные стелы многочисленных иерархов этой удивительной Церкви, независимой ни от папы Римского, ни от константинопольского патриарха.

Истребленный насилием в Северной Европе в XIII столетии, катаризм сумел выжить в Италии до конца XIV столетия, а в Болгарии, Греции и Боснии, не исчезал до самого турецкого завоевания. Его повсеместное уничтожение в этих местах началось со взятия Константинополя, с 1453 года.

Церковь, с которой расправились.

В день, когда был сожжен последний из Добрых Людей, вера еогла жить в сердцах оставшихся верующих, но Церковь катарская погибла. Никто больше не мог от ее имени претендовать на право передавать апостольскую традицию.

Уязвимая структура.

Если бы катаризм был простым диссидентским религиозным движением со спонтанным призывом, то, возможно, он пережил бы подполье и облавы. Но Церковь, со своей иерархией, долгим обучением, послушниками и ординацией, не могла эффективно обновляться во времена безудержной охоты на людей. Достаточно было, чтобы Инквизиция методически вылавливала и уничтожала

всех ее пастырей. В день, когда сожгли последнего из них, Церковь погибла.

Архаическая религиозность.

Я позволю себе предположить, что, не будучи преследуемым, катаризм мог бы утратить свою динамику, если бы не стал развивать и углублять свою слишком спиритуальную религиозность в меняющемся мире. В то время францисканская мистика уже переориентировала религиозные чувства, сосредоточив их на человеческой природе и страданиях Иисуса. Оставаясь романской религиозностью, сосредоточенной на Святом Духе и игнорирующей человеческую природу Сына, катаризм мог утратить свою силу в готическом мире с его культом Распятия и процессиями флагеллантов.

Времена нормализации.

В то же время, воинствующая ортодоксия совершенствовала методы борьбы и уничтожения ересей.

Она развивала свою логику и кодифицировала догмы и способы мышления западно-европейского Средневековья, замкнув их в пределах томизма и схоластики, взорвать которые удалось лишь протестантской Реформе. Общество трёх сословий так и законсервировалось на долгое время, хотя и видоизменялось. Идея о том, что Бог разделил общество на три сословия, чтобы поддерживать в нем порядок, просуществовала в европейских государствах до эпохи Просвещения и Французской Революции. А в наши дни катаризм стал для нас выглядеть чем-то странным, чем-то экзотическим.

Но в XII веке это была религиозность, характерная для того времени, и очень близкая и родственная католической религиозности. Культура и ментальность человечества эволюционировали, изменились. Но катаризм остался неподвижным, застыл в глубине Средневековья, остановленный в своём развитии грубым насилием.

Церковь, а не секта.

Катаризм был Церковью, а не инициатическим тайным обществом. Именно поэтому он не пережил подполья и средневековых преследований. Он мог бы снова возродиться и заговорить своим голосом, когда пришла пора религиозной толерантности во времена протестантской Реформы или Революции. Но тогда уже не оставалось ничего. Сегодня только несколько сект претендуют, абсолютно необоснованно и абсурдно, на его неразрывное наследие.

Урок катаризма.

Однако далеко не всё выглядит таким уж архаическим в этом средневековом христианстве. Каждый из нас, верующий он или нет, может задуматься над их выбором в пользу абсолютной доброты Божьей, над их фундаментальным оптимизмом относительно человеческой природы, которая может быть избавлена от зла, потому что они четко осознавали, что она - благая по своей природе. Над их апостольским отказом не только от всякого индивидуального насилия, но и от любого компромисса с институционализированным насилием мира сего, над их стойкостью к искушениям всякого религиозного тоталитаризма: это пример, которому стоило бы следовать.

Будучи евангельской еще до проповедей Франциска Ассизского, а не властолюбивой, Церковь катарская, без сомнения, была уничтожена только потому, что встала на дороге у папства, в то время, когда оно укрепляло свою теократическую власть.

Катаризм был методически уничтожен Инквизицией, тем более, что его церковная структура мало была приспособлена к подпольной жизни. Обновление католической спиритуальности и кодификация ортодоксии привели к тому, что католическая Церковь погребла саму память о катаризме.

Странности реабилитации.

Сегодня, в угоду туристам и просто любопытствующим, реклама превратила Добрых Людей в таинственных каменщиков, тамплиеров, охраняющих Грааль, адептов гомеопатической медицины... В то же время, туристическая «страна катаров» ценима и уважаема людьми, любящими свободомыслие.

Запрограммированная гибель.

Когда катаризм исчез в огне, Римская Церковь написала целые тома, где поставила ему диагноз: эти еретики страдали неизлечимой болезнью, неоманихеизмом, осложненным докетизмом. Короче говоря, будучи дуалистами и не признавая евхаристии, катары были обречены на уничтожение. Даже память о них постарались покрыть позором. Но Инквизиция оставила и в сознании, и в подсознании окситанцев такой след, что они до сих пор в глубине души остаются антиклерикалами.

Протестанты и католики.

Реформация XVI века в Лангедоке была наиболее успешной именно в тех местах, где ранее был лучше всего укоренен катаризм. Первые протестантские историографы иногда называли альбигойцев среди своих великих предшественников. Но католические историки, как, например, Боссюэ (1627-1704), повторяли тезисы средневековых доминиканских теологов, и снова навешивали на катаров ярлык неоманихейства.

Окситанисты.

В XIX столетии начались оживленные дискуссии относительно самосознания Юга. Романисты и фелибристы (см. справку) с энтузиазмом открыли для себя золотой век Окситании - времена трубадуров - и катаризм часто ассоциировался у них со специфически окситанской религиозностью. Окситанские поэты страстно оплакивали «великую романскую родину», запустив в общественное сознание идею о том, что трубадуры были тайными служителями катарской Церкви, воспевая ее под псевдонимом Дамы...

Романисты и фелибристы.

XIX век - это век открытия лирики трубадуров (XII - XIII столетие), что произошло во многом благодаря трудам так называемых романистов, то есть, специалистов по средневековому языку Ок, преимущественно немецких ученых. Одновременно с этим, поэт Фредерик Мистраль организовал литературное движение фелибристов, призывавшее к настоящему возрождению языка и культуры, которую тогда определяли как «провансальскую». В XX веке это движение переросло в окситанизм.

Между литературой и поэзией.

Протестантский пастор и поэт, Наполеон Пейра, автор лирической «Истории альбигойцев» (1870 год), снова поднял на щит, среди всего прочего, тему Монсегюра (как храма и подземного некрополя) и Эксклармонды (в образе которой он смешал нескольких исторических персонажей, носивших это имя), превратив отныне эти темы в источник поэтического вдохновения.

Эзотерики.

С конца XIX столетия современные эзотерики пытаются присвоить себе наследие катаров, представить себя их последователями: розенкрейцеры, неогностики, неоманихейцы, неопифагорейцы, неотамплиеры - все и каждый по-своему спекулируют на популярности катаризма. В наши дни они сумели настолько вульгаризировать эту тему, что она даже стала ассоциироваться с явлением, которое им даже в страшном сне не приснилась бы - с нацизмом. Автором этой мистификации является немецкий писатель Отто Ран, который в 1933 году представил катаров как истинных арийцев, поклонников солнечного грааля, а крестовый поход против альбигойцев, как «крестовый поход против Грааля».

Заклученная в схемах средневековой теологии, поставившей на ней печать осуждения, память о катаризме иногда возрождалась в сердцах людей. Причин тому было много, и они были очень разными - от протестантизма до окситанизма. Сегодня различные секты и эзотерические движения пробуют построить «храм вымышленного катаризма».

С точки зрения Истории.

Историк вырабатывает свою позицию, исходя из документов. Случилось так, что в середине XX века были открыты тексты катарского происхождения, и именно тогда критическая история катаризма наконец-то сменила теологическую полемику.

Манихейская цепь.

Сначала главным источником, на который опирались историки этой средневековой ереси, были опровергающие ее трактаты. Изучая настоящие антиеретические Суммы, составленные теологами XIII столетия - преимущественно доминиканцами и инквизиторами - первые исследователи, часто будучи сами католическими теологами, предпочитали искать корни катарского дуализма в восточных влияниях, особенно зороастризме и манихействе, проводя прямую линию происхождения катаров от Мани через павликиан и богомилов. До 1950 года этот вопрос находился в исключительном ведении теологов.

Память, сохраненная Инквизицией.

Однако разработка богатейших недр инквизиторских документов начала открывать перспективы исследования того, чем на самом деле было катарское средневековое общество. Чем больше исследователи читали эти документы, тем больше понимали, что эта ересь не имела никакого экзотического характера, что ее верующие мало чем отличались от обычных христиан своего времени. С 50-х годов медиевисты все чаще и чаще ставили вопрос о катарской ереси, используя терминологию социальной, а не религиозной проблематики. В то же самое время критическая история - особенно в Италии и Германии - стала смотреть на катаризм в его средневековом и абсолютно христианском контексте.

Открытие катарских манускриптов.

В недрах монастырских библиотек и архивов в Париже, Флоренции и Праге в XX столетии было найдено пять катарских манускриптов: они сохранились там в качестве материалов, на которые в XIII столетии ссылались ученые доминиканцы, создавая свои антикатарские Суммы. Таким образом, эти рукописи, используемые для опровержения ереси, теперь послужили серьезным источником ее открытия и переоценки.

Катарские книги.

Открытие и методическое изучение пяти рукописей катарского происхождения во второй половине XX века, привело к появлению точки зрения, противоположной тому, которая проистекала из информации, подаваемой католиками. Трактаты и ритуалы катаров очень четко демонстрируют последовательную евангелическую, христианскую культурную среду, характеризующую катаризм. Сегодня историкам доступно огромное количество богатейших и разнообразных документальных источников, опираясь на которые, можно квалифицированно изучать этот феномен, как с социологической, так и с религиоведческой точки зрения.

Поэзия и коммерция.

Сейчас французские университеты преимущественно хранят молчание в области изучения катаризма, который долгое время был чем-то вроде табу. Ситуация эта осложнялась еще и многочисленными безумными спекуляциями на эту тему. Кроме того, французским ученым казалось несколько подозрительным слишком сильно интересоваться подобными вопросами - но так было до тех пор, пока медиевистика как наука не завоевала серьезные позиции во всем мире. Однако, расцвет научных исследований не мешает катарофильской коммерции наполнять бутики и книжные магазины всякой дребеденью, хотя, должна признать, что среди этого сора встречаются иногда настоящие цветы поэзии. Радует то, что после стольких лет враждебности и разнообразных спекуляций, Добрые Люди все больше и больше завоевывают

симпатии человечества. Симпатии, которых по-настоящему заслуживает их истинный образ.

Первыми исследователями катаризма были преимущественно католические теологи, работавшие со средневековыми антикатарскими документами. Но во второй половине XX века стал господствовать иной, светский подход к этой ереси, основанный на изучении инквизиторских документов и текстов катарского происхождения.